

*Дмитрий Драгилев***БАЗАР-ВОКЗАЛ ИЛИ...
ПРИВЫЧКА ЖИТЬ В БЕРЛИНЕ**

Мой опыт общения с берлинским метро отягощен банальными подробностями. График подземки, помноженный на расстояние от любого подъезда до ближайшей станции дает один и тот же результат: в урочный момент поезд скрывается в туннеле. Бег трусцой не спасает положения: все равно не хватает каких-нибудь одной-двух минут. Стоит приблизиться к заветной лестнице, еще секунду назад почти пустой, как по ней начинают подниматься пассажиры, напоминая массовку во время киносъемок: сигнал «мотор», статисты пошли. Как и во времена Сирина (Набоков упомянул этот факт в романе «Отчаяние»), недра «выплывают» народ порциями, по мере прибытия поездов. Поневоле выругаешься, завидев очередных вынырывающих: значит, поезд как раз тю-тю. Учитывая собственную перманентную спешку и то, что десятиминутные перерывы здесь наблюдаются даже в час пик, зрелище досадное... Хотя радуется отсутствие неиссякаемой толчеи на лестнице, на перроне, в вестибюлях. Вспоминаю, как в Киеве, например, за минуту ожидания на платформе скапливалось такое число граждан, которое способно было поместиться в вагонах лишь путем экстремального уплотнения. Кроме того, берлинские вагоны почти не гремят, при отправлении и прибытии состава всегда услышишь голос собеседника; никаких тебе турникетов и эскалаторов немыслимо длинных. Немецкий U-Bahn расположен на уровне канализации: откройте люк — и вы уже в пути. Экономия времени и лишний шанс увидеть колышущееся платье кинозвезды над вентиляционной шахтой подземки... Впрочем, с кинозвездами плоховато. Разве что мелькнет знакомый бомж, оживший гротеск карикатуриста Георга Гроша — с головой, похожей на хэллоуинскую тыкву, помесь профессора Мориарти и вервольфа Николсона.

В общественном транспорте периодически материализуются «наши», чей дресс-код и фенотип неумолимо мутируют в местную сторону — не опознать.

А еще становишься свидетелем сцен. Приведу несколько.

Негр — немцу, попросившему его маленькую дочь вести себя по-тише: «Ты сейчас вылетишь из автобуса» («Du fliegst jetzt aus dem Bus raus».)

Немка при виде турецкой семьи — он, она, дети во множестве, помусульмански запеленавшая себя мать окружена чадами мал-маламеньше, которые облепили ее со всех сторон, — говорит: «Бабы нужны для того, чтобы детей придерживать» («Weiber sind dafür da Kinder zu halten».) — Не я их отец («Ich bin nicht der Vater»), — ищет аргументы мужчина...

Пассажиры городского транспорта — бесправный народ. Иногда мне кажется, что именно на них отрывается государство, не желающее отвечать за ранее прирученных граждан. Или это один из удобных способов дать выход агрессии по адресу представителей нетитульной национальности, нелегалов, маргиналов и других безлошадных, а стало быть, неимущих. Для сравнения — два примера. В начале 90-х (в пору резкого роста цен на проезд) в рижских трамваях чинили облавы: вагон останавливался на перегоне, в него влетала целая толпа контролеров, которые устраивали нечто среднее между проверкой билетов и шмоном. Не раз был свидетелем грустных сцен, когда не приглянувшихся безбилетников тузили и выкидывали на улицу (невзирая на возраст).

В благополучном восточногерманском Эрфурте первых лет XXI века трамваи к вечеру меняли свой маршрут и номер. Неискушенный путешественник из точки А в точку Б мог оказаться совсем в другом месте.

В лихорадочно борющемся с социальными льготами Берлине «зайца», трижды застигнутого врасплох, могут упечь в тюрьму на полгода. После полуночи линии метро, как правило, прекращают свою работу. Причем в первую очередь заканчивается сообщение с наиболее бедными жилыми районами.

Берлинский концерн «Werner Media» издавал (в числе прочего) «Еврейскую газету» на русском языке. В декабре 2006 года в ней можно было прочитать такое сообщение: «Как заявил Ратушняк (мэр Ужгорода. — *Авт.*), Адольф Гитлер, придя к власти, “в первую

очередь расстрелял 300 трамвайных зайцев”. Мэр подчеркнул, что именно с того времени началось “бурное развитие страны”».

Ну что ж, роковой и экзистенциальный смысл рельсового пути, где бы он ни пролегал — в городе или вне города, на мостовой, под или над ней — тема классическая. Первое, что бросается в глаза на перронах берлинской электрички (надземки, эстакадной дороги) — это не название станции, которое тоже присутствует, а сообщения наследников г-на Безенчука и фирмы «Нимфы». Глядишь в вагонное стекло, ищешь глазами табличку, хочешь знать, куда приехал, не Дибуну ли? Находишь сразу — длинненькую, вытянутую, прямоугольную, а на ней какое-нибудь «Wittenburg Bestattungen», название похоронной конторы. Прямо над перронной скамейкой. Да и по городским кварталам почти на каждой улице — вывески наравне с вокзальными, ресторанными, вплоть до неоновой рекламы и украшений брендмауэров: «Tag und Nachtruf, global, seit 1905» («Звоните днем и ночью, хороним по всему миру, с 1905 года».) Спрашивается, зачем ночью звонить? Вывозят и тайно закапывают?

Транспарант «Billigbestatter» (можно перевести как «дешевый гробовщик») красуется едва ли не на фронте одного из вокзалов германской столицы. Странно, почему до сих пор не догадались использовать для этой информации афишные тумбы?

Референций много. Поневоле вспомнишь и Дюма, и Ильфа, и Целана, и *memento mori*.

И все же даже Берлин расхолаживает: население движется прогулочным шагом. «Въезжая в эту страну, словно влезает в домашние шлепанцы», — сказал однажды рижский радиожурналист Алексей Романов. Мне пришла в голову несколько иная фраза: Германия — зона недомашнего консервирования. Или псевдомашнего? Дежурная вежливость, условная добропорядочность, тихо пестуется общий знаменатель — калориферное, среднеарифметическое тепло.

Однако пожаловаться на полный дефицит мимики нельзя. К примеру, немецкий газетчик, который вел пресс-конференцию на конгрессе по ксенофобии, был сильно похож на русского актера, исполнявшего главную роль в «Секретном фарватере» — советском фильме о Второй мировой войне. Но отличался плохой (немецкой!) дикцией и странными гримасами: то потупит взор, то улыбнется без видимых причин. Не потому ли, что в докладе представителя России

преобладали слова: «практики», «идентичность», «субкультура», «дискурс», «электоральный ресурс», «моральная паника»...

Что касается динамики города, зачастую она воспринимается сквозь призму собственной причастности к жизни данного места, зависит от ощущения степени вовлеченности.

Впрочем, вернемся к шлепанцам. Время от времени на одной из линий метро появляется... поэт. Обутый зимой в сандалии, он просит милостыню в каком-то автоматическом режиме, глухой скороговоркой бубня и затверженные куплеты-сонеты, и дежурный «же-не-манж-па-сис-жур». Смотрит искоса, низко голову наклоня, при этом настолько быстро движется по проходу (перегоны между станциями длятся не дольше минуты), что кинуть ему в пластиковый стаканчик «этвас копек ауф дем штюк брод» технически невозможно.

В магазине каждый день — что-нибудь забавное. Появляются женщины восточной наружности и складывают дикое количество решеток с яйцами в корзины. Под верх. Куда столько? Если в гешефт, то почему не в оптовом универсаме, в «Metro»? Мужик-немец потасканного вида стоит в очереди к кассе с русским пакетом, полным пластиковых бутылок. Русская кассирша, усердно скрывающая свое происхождение, привычно выпотрошила пакет в картонную коробку, но одну бутылку вернула владельцу. «Почему?» — спросил немец. Кассирша достала бутылку из пакета, повертела, на этикетке надпись по-русски: «Крем-сода». Ну, думаю, сейчас-то она расколется, продемонстрирует знания. Молчит, пустила бутылку через сканер. Считывающее устройство жалобно пискнуло. «Видите, — торжествуя заметила кассирша, — не тот сигнал!»

Однажды разоткровенничался мой сосед-продавец: «Кассиры уже не только знают тебя в лицо, они знают твою фамилию». — «Мою? Каким образом?» — «А ты карточкой всегда расплачиваешься». Лишний повод убедиться в отсутствии анонимности.

В немецком языке Schlachten — убой, забой (скота), а Schlacht — битва. Легендарная битва древних германцев с римлянами была выиграна молодыми варварами под предводительством Арминия. Один из берлинских рыночных павильонов, пассаж, в котором торгуют (в частности) мясом и мясными изделиями, называется «Arminiusshalle». В XXI веке на рынке поставили рояль и пригласили автора этих строк в качестве тапера.